

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

СЮСАКУ
ЭНДО

ПОСВИСТИ
ДЛЯ НАС

Москва
2018

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)6-44
Э64

Shusaku Endo
KUCHIBUE O FUKU TOKI (WHEN I WHISTLE)

© 1979, Shusaku Endo.
All rights reserved.

Перевод с японского *С. Логачева*

Художественное оформление *А. Старикова*

Эндо, Сюсаку.

Э64 Посвисти для нас / Сюсаку Эндо ; [пер. с яп. С. Логачева]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-04-091577-4

Изнуренный жизнью бизнесмен Одзу встречает в поезде знакомого по школьным временам. Эта встреча заставляет Одзу вспомнить о своем юншестве, военных годах и дружбе с эксцентричным Хирамэ. То были для Одзу годы идеализма и веры в человека. Теперь же сын Одзу, начинающий врач-онколог, готов ради карьеры и уютной жизни пойти на любые хитрости и интриги, даже если на кону — человеческая жизнь.

Сюсаку Эндо, классик японской литературы, обладатель престижных литературных наград, несколько раз номинировавшийся на Нобелевскую премию, написал остросоциальную драму о разрыве поколений. Впервые на русском языке!

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)6-44

ISBN 978-5-04-091577-4

© Логачев С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

— Извините...

Одзу медленно открыл глаза.

Он ехал в синкансэн¹ и не заметил, как задремал. Грустное зимнее солнце проливало свой свет на свинцовую поверхность озера Хаманако, по которой скользило несколько маломерных суденышек.

— Извините...

Обращавшийся к Одзу мужчина смотрел приветливо и дружелюбно.

— Одзу-сан?! Это не вы, случаем?

— Ну да.

Моргая спросонья, Одзу пытался сообразить, кто бы это мог быть.

С годами он стал очень забывчив. Бывало, его вдруг кто-то окликал. Он понимал, что лицо этого человека знакомо — когда-то встречались, но вспомнить имя и какое он имеет к нему отношение никак не мог. Такое стало происходить с ним часто.

— Я Уэда. Неужели не помнишь? — Мужчина был озадачен. — Мы вместе учились в Наде... Уэда.

¹ Синкансэн (яп., «новая магистраль») — высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны.

— А-а... Ну как же, как же... — вырвалось у Одзу, хотя фамилия Уэда ему ни о чем не говорила и лица его он не мог вспомнить.

— Иду в буфет, прохожу по вагону и вот — пожалуйста! Думаю: где-то я его видел. Сижую, жую — и вдруг вспоминаю. Правда, мы были в разных классах...

— Надо же...

— Да мы же с тобой в одной комнате жили, когда на экскурсию от школы ездили. — Уэда очень хотел, чтобы Одзу его вспомнил. — Ты тогда еще кошелек потерял.

— Я?

— Ну да. Мы все его искали. Из-за этого поздно выехали, а Крысеныш разозлился страшно.

Уэда подвинулся, пропуская следовавшую в туалет женщину, и положил руку на плечо Одзу.

— Крысеныш... Вспомнил! Учитель физкультуры...

Да, так оно и было. На сухих губах Одзу наконец появилась улыбка — и довольная, и горькая одновременно. Крысеныш. Учитель физкультуры. Ученики дали ему это прозвище, потому что лицом он был вылитая крыса, выглядывавшая из норы.

— И чем он теперь занимается?

— Ой! Разве ты не знаешь? Он на войне погиб. В Китае.

— Вот как... — Одзу вздохнул. — Я уже давно никого из наших учителей не видел.

— А на встречи выпускников ходишь?

— Нет. Мне и приглашений не присылают.

— Ну, это никуда не годится. — Уэда внимательно посмотрел на Одзу. — Значит, ты выпал из списка. Я скажу там кому надо. Дай мне твою визитку.

Поезд миновал Хаманако. Из фабричных труб медленно поднимался дым, вдалеке выстроились жилые кварталы, белевшие под послеполуденным солнцем.

— Сейчас Нада совсем не та, что в наши дни, теперь там одни таланты обучаются.

— Похоже на то. А в наше время брали даже тех, кого в другие школы не принимали.

Уэда должен был выходить в Нагое, поэтому отправился в свой вагон. А Одзу, рассматривая визитную карточку, которую ему дал одноклассник, погрузился в воспоминания о событиях более чем тридцатилетней давности.

Да-а! Школа Нада...

Одзу даже не верилось, что он учился в такой школе.

Иногда до него доходили разговоры о школе, в журналах доводилось о ней читать. Все изменилось по сравнению с тем временем, когда он учился: похоже, теперь туда отбирали только самых способных. Она занимала первое место в стране по проценту поступающих в Токийский университет. Одзу слышал о родителях, которые специально переезжали в Хансин¹, чтобы только их дети учились в школе Нада.

— Поверить не могу, что ты учился в Нада, — не раз говорил раньше его сын.

— Почему это?

— С надовцами особо не потягаешься. Реально крутые ребята.

В то время старший сын Одзу как раз готовился к вступительным экзаменам в колледж.

¹ Один из наиболее развитых экономических районов Японии с центром в г. Осака.

— Говорят, в Нада за один год проходят столько, сколько в обычных школах за два, — с обидой заявлял он. — Раньше ведь так не было, да? Когда ты учился.

— В мое время проще было, — вспоминал Одзу, качая головой. — Нас делили на четыре класса — А, В, С и D. В классе А учились отличники, в С и D сажали отстающих.

— Ты, конечно, всю дорогу в D просидел?

— Вообще нет. Перемещался между В, С и D.

Одзу в самом деле чувствовал тогда себя в альма-матер легко и спокойно.

Выкрашенное кремовой краской здание стояло в сосновой роще на берегу реки Сумиёсигава, недалеко от Микагэ. Справа от него располагалось деревянное строение — зал для занятий дзюдо. Школа была построена основателем дзюдо Дзигоро Кано. Дзюдо считалось в школе обязательным предметом, учителем по дзюдо у Одзу был... как же его?.. Сливная Труба.

Одзу закрыл глаза, стараясь вспомнить слова школьного гимна. Они так часто его пели тогда, а теперь в старой голове ничего не держится. Зато в памяти вдруг мелькнули восемь иероглифов, начертанных мастером Кано на свитке, который висел в зале дзюдо: «Умей употребить энергию во благо себе и другим».

Как давно он не был в своей школе.

Ни разу не ходил на встречи одноклассников.

Почти ничего не знает о ребятах, с которыми учился в одном классе, сидел за одной партой.

Как звали их физика? Имени Одзу вспомнить не мог, только прозвище — Противогаз. Физик женился, когда Одзу был в шестом классе. Учителя рисования прозвали Светотень за то, что у него сквозь

редкую шевелюру просвечивала кожа на голове. На уроках он все время говорил только о Тернере. Класный, носивший прозвище Светоч, потому что голова его блестела как мандариновая кожура, читал лекции о похоронных курганах.

В классах С и D народ на уроках или занимался проказами, или дремал.

Как-то один из учителей сказал со вздохом:

— Вас бесполезно чему-то учить. Учи не учи — вы все равно ничего не понимаете.

Одзу числился среди неспособных к учебе бездарей. К этой же категории относился Сибасака. И Сато. И Цукава по прозвищу Обезьяна. И Пупок. И этот, как его? Парень, который пришел в школу в девятом классе...

Школа Нада

«Когда мы готовили уроки, в класс вошел директор, ведя за собой новичка и служителя, тащившего парту. Некоторые из нас дремали, но тут все мы очнулись и вскочили с таким видом, точно нас неожиданно оторвали от занятий.

Директор сделал нам знак сесть по местам и затем, обратившись к классному наставнику, сказал вполголоса:

— Рекомендую вам нового ученика — он поступает в пятый класс.

Новичок все еще стоял за дверью, так что мы с трудом могли разглядеть этого деревенского мальчика лет пятнадцати, ростом выше нас всех. Волосы у него были подстрижены в кружок, как у сельского псаломщика, держался он чинно, несмотря на крайнее смущение...»

С этой сцены начинается «Госпожа Бовари», роман Флобера. В тот день в вагоне синкансэна Одзу прокручивал в голове пленку воспоминаний, и в его памяти медленно, словно мыльный пузырь, всплывал день, когда к ним в класс привели того новичка...

В классе С шел урок рисования. Одзу с одноклассниками, зевая, слушали, как проповедует старый учитель, прозванный ими Светотенью.

— Английский живописец Тернер, видите ли... какие бы неудачи его ни преследовали...

Он откинул голову, демонстрируя через редкие волосенки круглую загорелую лысину.

— ...никогда не отступал перед трудностями. Например...

К сожалению, Одзу совершенно не запомнил, что Светотень говорил дальше, потому что, как и другие ученики, зевал и ковырял в носу.

В школе Нада учеников с самыми лучшими оценками определяли в класс А. У кого показатели были так себе — отправляли в класс В. Уделом совсем уж безнадежных оставались классы С и D.

— Тернер был очень упорный человек. Вот и вы тоже, если постараетесь... сможете на будущий год перейти в класс А.

Светотень хотел нас подбодрить, воодушевить, но его никто не слушал. Все думали только о том, чтобы урок быстрее кончился, хоть на минуту, и не могли дождаться большой перемены на обед.

— А-а-а-х! — Вдруг кто-то громко, как корова, зевнул на весь класс.

— Кто это сделал? — рассвирепел Светотень. — Что за невоспитанность! Как можно так себя вести!

В этот момент дверь отворилась, и классный ввел в класс новичка. Прямо как в «Госпоже Бовари»...

— Можете не вставать. — Классный указал подбородком на паренька в замызганной серой форме. — Это Хирамэ-кун¹. Он перешел к нам из школы Какогава.

¹ Один из именных суффиксов японского языка. Употребляется после фамилии при разговоре между людьми равного социального положения, чаще всего одноклассниками, приятелями, при обращении учителей к ученикам.

От парты к парте, как круги по воде, прокатилось хихиканье. Хирамэ!¹ Вот это фамилия! И лицо у парня такое же чудное, точно у рыбы.

Парень, сторбившись, стоял возле учительского стола, тараша тусклые глазки, словно лупоглазая золотая рыбка в аквариуме.

— Прошу любить и жаловать новичка, помогать ему, пока он у нас не привыкнет. — Классный зорким взором углядел свободную парту позади Одзу. — Ну, иди, садись и внимательно слушай, что рассказывает учитель.

Время от времени через окна класса со двора доносился хрипловатый голос приписанного к школе офицера, отдававшего команды.

Да. Затяжная война в Китае еще продолжалась. Недавно в придачу к двум отставникам, занимавшимся с учениками военной подготовкой, к Наде прикомандировали еще майора-кадровика.

— Тернер, видите ли...

После того как классный удалился, Светотень совершенно забыл, что всего несколько минут назад он распекал ученика, позволившего себе громко зевнуть, и продолжил свою нравоучительную лекцию, вызывающую смертельную тоску у всего класса.

К неудовольствию Одзу, устроившийся за ним новичок сразу принялся ерзать на стуле. Но еще больше раздражал доносившийся с задней парты слабый запах. Странная смесь маринованной редьки и пота...

— Эй!..

В спину Одзу ткнулся палец. Обернувшись, он увидел уставившиеся на него мутноватые глазки на рыбьем лице.

¹ Камбала (*яп.*).

— Эй!..

— Чего тебе?

— Про что это он тряндит? Сейчас какой урок?

— Рисование, — ответил Одзу шепотом, чтобы Светотень не услышал.

Какое-то время было тихо. Хотя ерзанье не прекратилось и странный, невозможный запах тоже никуда не делся, что действовало Одзу на нервы.

— Эй!..

Одзу снова почувствовал палец на своей спине.

— Чего тебе?

— Сколько время?

Одзу не ответил. Новичок особо не стеснялся — тычет в спину, да еще с идиотскими вопросами лезет. Вот козел!

Вдруг с того места, где сидел Хирамэ, донесся протяжный, тоскливый и нелепый звук: «У-у-у-у!» Его слышал не только Одзу. Этот звук — будто утка прочищала горло — к удивлению всего класса, повторился еще два раза.

Давясь смехом, мальчишки обернулись назад.

— Что это значит? — Светотень схватился обеими руками за край стола и скорчил свирепую физиономию. — Кто это сделал?! Встать немедленно!

Моргая потухшими глазами, Хирамэ неуклюже поднялся со стула.

— Ты?

— Угу-у! — печально протянул Хирамэ. — У меня в животе бурчит.

Весь класс так и покатился от смеха. И только Светотень смотрел печально.

— Я не собирался бурчать, это он сам. Живот.

— Садись!

— Угу! — Хирамэ тихо сел на место. Всем уже было не до урока и не до Тернера, о котором про-

должал бубнить учитель. Мальчишки, посматривая на Одзу и Хирамэ, высовывали языки, корчили рожи, широко разевали рты.

— Тернер, видите ли, был великий человек...

После уроков...

Мальчишки расходились по домам: выйдя из школьных ворот, миновали сосновую рощу и, вытянувшись цепочкой, как муравьи, зашагали по дорожке вдоль речки.

В то время в районе Хансин все школьники носили форму бледно-желтого цвета, а на ногах — гетры и грубые ботинки на манер военных.

С виду все казались одинаковыми, но, присмотревшись, класс А от С и D можно было отличить сразу. Отличники «ашники» выступали как петухи — высоко подняв головы, они направлялись к остановке электрички, выстроившись в строго установленном школьными правилами порядке. Кое-кто из них перебирал карточки с английскими словами, умудряясь зубрить на ходу. За ними шли еще мальчишки — кое-как закинув ранцы за спину, оглушая друг друга пронзительными криками и то и дело останавливаясь. Так могли себя вести только классы С и D.

А дальше все пошло как-то странно.

Тянувшаяся по берегу Сумиёсигавы, которая больше напоминала ручеек и становилась похожа на речку только в дождливый день, дорога вливалась в шоссе, связывавшее Осаку и Кобэ. На этом самом месте школьная процессия резко замедляла ход. Здесь всегда стоял крошечный ларек, где продавались тайяки¹. Ноздри мальчишек дразнили запахи

¹ Традиционные японские печенья в форме рыбки с начинкой из сладкой фасолевой пасты.

фасолевого мармелада и теплой пшеничной муки, и просто так пройти мимо у них никак не получалось. Но и остановиться у ларька они тоже не могли — ученикам категорически запрещалось покупать еду и есть за пределами школы. Если бы кого-то поймали у этого ларька, отвели бы в учительскую. Могли, чего доброго, и на день отлучить от школы.

И...

Подойдя к перекрестку, школьники замедлили шаг, жадно вдыхая запах, вынужденные довольствоваться лишь доносившимся до них слабым ароматом.

Одзу, который в тот день шел немного поодаль от других мальчишек, испытывал те же чувства. Растущий организм требовал постоянной подпитки, и к трем часам на него напал зверский голод. Он закрыл глаза, вдыхая сладковатый запах.

Тут кто-то хлопнул его по плечу. Одзу обернулся. Это был Хирамэ.

— Десять сэн есть?¹ — часто моргая, пробормотал он.

— Есть.

— Купи печенки!

— Нельзя! — Одзу покачал головой. — Если какой-нибудь учитель заметит, огребем по полной программе. А среди старшеклассников есть стукачи. Меня накроют, сто процентов.

— М-м... — с недовольным видом промычал Хирамэ, хлопая глазами.

— А почему нельзя поесть, раз хочется?

— Потому что это неприлично.

¹ Денежная единица в довоенной и послевоенной Японии. Выведена из оборота в конце 1953 г. в связи с обесцениванием японской валюты. 100 сэн равнялись 1 иене.